

Ольга Озерцова

Тот, кто на
дереве

12+

Ольга Озерцова

Тот, кто на дереве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66575714

SelfPub; 2021

Аннотация

О дереве, растущем рядом с древнем городищем на берегу речки, рассказывают странные легенды. Здесь снится прошлое. С туристами, остановившиеся на ночевку в этом месте, происходят загадочные события....

Ольга Озерцова

Тот, кто на дереве

– Вот она, эта темная религия отцов и дедов. Они и в XII веке многого в ней не понимали, а сейчас, что осталось? Только отдельные археологические следы, да еще неясные фольклорные преданья, как об этом вот месте и о том, кто на дереве.

Они сидели у костра на берегу речки. Большой холм возвышался за ними. Там можно было различить рвы и валы, заросшие остатки городища XII века. Сбоку проходил овраг, а кругом росли дубы, уже роняющие листву. По небу ползли тяжелые угрюмые тучи. В местности вокруг была какая-то угрожающая красота.

– Видишь этот странный нарост на дереве?– спросил фольклорист Глеб.

– Да, как на человека похож... или на зверя? – задумчиво ответил Николай, археолог.

И, действительно, на дубе был нарост, напоминающий обросшее шерстью существо, которое судорожно вцепилось руками в ствол дерева и поджало ноги. Лицо же засунуло в дерево. На спине же у него неровная древесная поверхность была похожа на какие-то узоры или знаки.

–Чаще всего местные жители рассказывают о нем, как о

том, кто на дереве. Правда некоторые называют «стражем Здуховины» или даже Дивом. Может, и Див, но точно никто не знает. Тут вроде местные энтузиасты нашли аномальную зону, а неоязычники считают, что он пророк наоборот. Вроде бы тут впитываются в дыру в земле ,в здуховину, чувства древних людей, а тот ,кто на дереве, передает их в снах.

В это время археолог подошел к дереву и погладил нарост .

–Только лучше его не трогать, а то всякая фигня начнет сниться, причем часто историческая, а иногда и кошмары.

А уж если кто-то правильно рукой проведет по древним знакам, что-то важное произойдет. Но что, никто не знает. Пока никому не удавалось найти на нем правильный знак.

Глеб посмотрел на телефон.

Сейчас прочитаю тебе фольклорный текст, запись былички.

« В лесах у нас тут жил тот, кто на дереве. Никто не знал, кто он на самом деле, зверь, человек, дух или бог. Он был очень уродлив и был хозяином всего леса. Но вот однажды он рассердился на людей и спрятался в дерево. Так и остался там навеки. Но на нем есть тайный знак, который все навсегда забыли. Но если кто-нибудь случайно повторит его, проведет по нему рукой, то тот, кто на дереве, может, и ответ...»

– Кстати, в прошлом году мы проводили тут археологическую разведку, пробный раскоп. Нашли кости , лежали они

в странном порядке, как в Збручском святилище. Поэтому кое-кто из коллег и предположил, что здесь были человеческие жертвоприношения, хотя большинство считают их захоронением после битвы, возможно во время татаро-монгольского нашествия.

Глеб пожал плечами:

—Тогда и без человеческих жертвоприношений жестокости хватало. Какое-нибудь братоубийство, ослепление, например, Василька Теробовльского, ведь археологически о нем и не узнаешь, так ведь?

—Пошли -ка лучше спать, а то, правда, какая-нибудь чушь приснится.

Они заночевали в палатке, и археологу действительно приснился нехороший сон .

Рыдали, ревели деревья под напором ветра. Стеной обступил темный лес, не видно ни зги. И вдруг прямо перед ним появилось... Оно улыбалось длинным белым ртом. Животные, бессмысленные серые глаза. Короткие грязные лапы протянулись к нему.

Рожа довольно захохотала, раздались слова:

«Дай сердце, дай сердце».

Чудище ухмылялось бледной, длинной до ушей усмешкой.

Николай не мог двинуться с места и вдруг понял, что от него хотят. «Дай сердце». Сердце... Он прижал руки к груди, что-то теплое нежно спряталось за ладонями. Николай вдруг

засмеялся:

– Не возьмешь, сердце не вырвать, если оно еще может любить.

А чудище с беззубой улыбкой все придвигалось, лес шумел

«Дай сердце».

Николай проснулся и посмотрел на Глеба. Тот крепко спал. «Надеюсь ему снится что-нибудь другое»

– «Да ныне отселе имемся, друзья, в едино сердце». Так они тогда сказали. А где же гонец, что-то долго его нет.

Гонец скакал в ночи. Где-то впереди высокий холм со рвами, на нем крепость. Там светился робкий огонек. Но здесь только ветер.

Ветер развивал гриву, хвост коня. Он вглядывался сощуренными, напряженными глазами во тьму:

В земле неизвестной, в поле неведомом,

Ты один, один да по всей земле,

Ты помилуй, ночь, душу грешную,

Темнотой не скрой злобных недругов,

Ты не скрой земля вражья топота.

Ночь тебе раной грозит и бедою,

Птицы след стерегут,

По дороге степной и синей,

Ты один-один одинешенек.

Впереди высокие стены, огонек.

Во внутренней караульне в башне у очага отдыхали

несколько воинов. Некоторые из них лежали прямо на полу, на соломе. Один чистил меч.

Высокий крепкий воин с седой головой поднялся, продолжая разговор.

– То-то и оно, Любеч высокий город, да не любо.

Он подошел к оконцу, оттуда подул ветер, развивая его бороду, тревожно вспыхнула свечка на столе.

– Ух и ветрило.

Все замолкли, вслушиваясь

Задрожала земля...

Гул я слышу вдали.

Топот ли это?

Конский топот.

Он мчит, он летит... он здесь, у порога.

Любимый ли твой, враг ли твой?

Слышишь, видишь, что тот топот,

Чем он сбудется для нас.

На конце копья несешь ты,

Всадник, боль нам или радость?

Дверь раскрылась, на пороге появился гонец. Увидев их напряженные лица, он устало кивнул.

– Тишина, друзья, – и лёг на солому. Все облегченно вздохнули и продолжили разговор.

– Потому и не любо. Собрались было в стенах его князя да решили... Многие воины знали о том, что случилось там много лет назад.

За высокими, освещенными свечами дубовыми столами сидели князья, бояре и дружинники. Один из них, Владимир Мономах, сказал:

– Почто губим Русскую землю, сами на себя крамолу зовем? А половцы тому рады, что между нами рати.

В ответ ему гул голосов, звон оружия.

– Истинно говоришь.

Князья протянули друг другу руки, подошёл митрополит с крестом.

– Да ныне отселе имемся, друзья, в едино сердце, и соблюдем землю русскую, а кто на кого пойдет, на того вся земля наша будет и крест честной.

Князья передавали друг другу братину, отпивая из нее по кругу.

Собрались князья скоро. Долго у нас на Руси дело делается, да скоро слово сказывается. И через два дня в другую просторную избу вошел князь Давыд.

– Сердце смущается во мне, брат, чую я, сговорились Василий с Владимиром на нас, – и Давыд, человек с грузным, тяжелым лицом, сел на скамью рядом с князем Святополком.

– Ужели забыл ты про брата своего. Надобно промыслить о своей голове... А то ни тебе княжение в Киеве, ни мне во Владимире.

Святополк, невысокий князь, со светлыми нерешительными глазами, шепнул побелевшими губами, словно сам с со-

бой.

– Правда ли се, или лжа?

Давыд резким голосом переспросил: «Что сказал, брат?»

Святополк, не глядя на него, повторил, губы его дрожали:

– Если ты правду глаголешь, Бог тебе свидетель, а если завистью молвишь, Бог будет за тем.

– Да помнишь, брате. Посылал я к нему, говорил не уходи перед именинами моими. А он, не могу ждать, вдруг будет рать дома.

Святополк молчал, глаза у него остановились. Потом оба подозвали дружинника.

– Сходи к брату Васильку, да скажи «Если не хочешь ждать до именин моих, то приходи сейчас, посидим с Давыдом».

Тот вышел из двери.

Когда Василек беззаботный, веселый князь, садился на коня, около его стремени дружинник тревожно шепнул: «Не ходи, княже, хотят тебя убить». Тот удивленно посмотрел на него, засмеялся:

– Братья мои?.. Хотят меня убить? Только что целовали крест и клялись «имемся в едино сердце, если кто на него будет, то на того крест и мы все.» Бог с тобой, – он пожал плечами, вскочил на коня. Подъехал к избе братьев, вошёл.

«Здравствуйте, братья милые, – Василек улыбнулся. А они сидели неподвижно, потом наклонили головы. Святополк поднялся:

– Побудьте вы здесь, а я распоряжусь.

Василий кивнул, и начал весело рассказывать Давыду.

– Ходил я, брат, на медведя

Он что-то оживленно говорил, Давыд сидел молча, иногда с трудом кивая.

«И не было у Давида ни голоса, ни слуха, т.к. ложь имел в сердце».

Вдруг раздался громкий звук, словно от упавшего оружия.

Василько удивленно взглянул на Давида. Тот крикнул в сени:

– Где брат?

Вошёл дружинник.

– В сенях.

Давыд шепнул Васильку:

– Я пойду за ним, а ты посиди.

Он вышел, послышался звук задвигаемого засова. Василёк смотрел на дверь широко открытыми глазами, скорее ошеломлёнными и неверящими, чем испуганными.

И схватили его за руки, а силён муж был.

В караульне крепости все молчали и внимательно глядели на старого воина.

– Помните, друзья, то село, откуда к нам сюда жито возят.

– Как не помнить.

– Так вот, будто бы на этом самом месте и жила попадьё, в избу которой его привезли... уже как ослепили.

Да про то пусть Ратибор расскажет, кто лучше него знает.

Все обернулся к невысокому человеку, который точил

меч.

– Да, братцы, про Василька-то, – он отложил меч в сторону. – Я могу рассказать. Бабка моя и была та самая попадьё, что сорочку ему постирала.

Сказывала она, осень была будто, как и сейчас.

Очнулся Василек.

– Где я?

.– Дай воды.

Она, утирая слезы, протянула ему ковшик.

Он выпил воду, ослепительно осеннее солнце светило на его дрожащие руки и на плачущую попадьё.

Ощупал свою сорочку и раздраженно сказал:

– Зачем сняли с меня... Я бы в той сорочке кровавой смерть принял.

Попадьё плакала навзрыд.

– Что-й-то ты, матушка, не надо. В той бы сорочушке и пред Богом стал. В той бы сорочечке в кровавой пойти б в леса, поля, да среди трёх дорог...

В избу заглянул крестьянский парень и испуганно замер.

– Кто там? – из-за его спины выглянули другие крестьяне. – Люди добрые! Где тут солнце, поверни меня, матушка.

И горько нараспев продолжал.

– Ой ли вы люди добрые, во градах и сёлах

Посмотрите-ка, люди добрые

На рубашечку мою,

Что мне братья мои сделали, братья кровные.

Ой вы, братья мои, взяли б вотчину, но за что же вы свет-то отняли.

Попадья отвернулась в сторону, крестясь и шепча: «Грех-то какой. Ой, грех растёт по Руси, кровь течет, кровь невинная».

Глеб проснулся от сильного удара грома и подумал: «Вот уж, действительно, приснилось...» Снаружи разразилась гроза. Ветер беспощадно теребил палатку, будто хотел ее разорвать. Глеб вышел наружу. Дождь внезапно кончился, но гром грохотал, молнии сверкали. Буря свирепствовала так, словно кто-то хотел изорвать, искромсать все вокруг. Ветер так раскачивал громадные ветви дубов, они трещали так, словно вдруг сейчас сломаются. Все бесновалось в какой-то пляске. При блеске молний нарост на дереве, казалось, шевелился. И еще страннее выглядели узоры на его поверхности. Глеб подошел и потрогал спину того, кто на дереве, провел по ней рукой. Вдруг среди шума ветра он услышал какой-то посторонний звук, исходивший от дуба. И увидел, что нарост пошевелился. Страшный человекозверь медленно отделился от дерева и приблизился к Глебу. Жутким огнем блеснули два глаза, и около своей шее Глеб увидел когтистую руку. Потом призрачно черная туша медленно поднялась вверх и слилась с бушевавшей стихией. Глеб испуганно бросился к палатке, залез в мешок, и прислушиваясь к звукам снаружи, вдруг неожиданно уснул. Потом он так и не мог понять, показалось ли ему это, приснилось или то было

что-то другое... Но утром Глеб нащупал у себя на шее четыре ссадины.

Николай заглянул в палатку:

–Проснулся? Я хотел еще раз сфотографировать этот нарост, при вчерашнем освещении он плохо получился. Но его нет, он куда-то исчез. А потом здесь еще водятся какие-то странные звери. От дуба идут следы босых ног, похожих на человеческие, но они с когтями. И внезапно обрываются. Интересно. Надо будет на будущий год начать здесь раскопки ...